

Поэтические страницы

А.В. Шапошникова

Поэзия А.Л. Чижевского

*Мы – дети Космоса.
А.Л. Чижевский*

*Страшна ты, Русь, о, как страшна,
Когда, пучину воздымая,
Ревет народная волна,
Глаголам неба не внимая,*

*Когда мятежный ураган
Сжигает мудрые преданья
И треплет скалы океан
Остервенением восстанья.*

*Сквозь этот бой, безумный бой
Мы с содроганьем проследили,
Как пар венчал морской прибой
И кровью скалы исходили,*

*Как в разъяренной наготе
Дробились древние скрижали,
Как страсти рдели в высоте
И звездами изнемогали. <...>*

*Страшна ты, Русь, о, как страшна,
Когда, подняв до звезд пучины,
Ярится вещая волна
И обнажаются судьбины¹.*

¹ Чижевский А.Л. Поэзия / Составл., вступит. статья, примеч. Л.Т. Энгельгардт. М., 1998. С. 92–93.

Это стихотворение молодой ученый Александр Чижевский написал в самом начале Октябрьской революции 1917 года. До тихой провинциальной Калуги ее роковые волны еще не докатились. Но ощущение Чижевского вскоре получит свое подтверждение, а само стихотворение свидетельствовало об одаренности автора пророческой способностью.

Чижевский начал писать стихи еще в раннем детстве, они окрепли в юности и составили в зрелости очень своеобразный слой русской поэзии, уходящий корнями в поэзию Серебряного века.

Предчувствие истины мы находим у многих русских поэтов Серебряного века, в том числе и у Чижевского. Свои космические идеи он выразил не только в науке и философии, но прежде всего в стихах. В «Академии поэзии» он писал: «Выразить мимолетное чувство в нескольких словах и дать полную картину переживания, могущего направить наш дух в область космических волн и приобщить его к жизни вселенной, – вот задача поэтического творчества»². Он нисколько не сомневался, и был в этом прав, что именно поэзия, со всеми ее особенностями, может приобщить наш дух к жизни Вселенной. Ибо не только он один мог сделать это, но вся русская поэзия Серебряного века, которая стояла за ним, творчество ее крупнейших поэтов могло показать дорогу туда, в «область космических волн». Он считал искусство тем явлением, которое может объединить устремление народа в единое русло культурного созидания. «...Искусство родилось, – писал он, – на самой заре человечества, и не было ни одной эпохи, ни одного народа, не имевших своего искусства»³. Именно оно, в разных его формах, могло вывести многострадальный народ России из невежества, тьмы и кошмара той жизни, которая сложилась в стране волею ее исторической судьбы.

«Революция испепелила предрассудки и заблуждения, – писал он с молодым вдохновением, – и, освобожденные от их цепей, мы видим, к чему должны стремиться всею своею душою.

Надо учить народ!

Но и этого мало: следует воспитать его! <...>

Если первое достигается наукой – от азбуки до высшего математического анализа, второе – исключительно искусством.

Поэтому одновременно с преподаванием азбуки следует преподавать искусство, внушая любовь к нему.

Однако нельзя думать, что загрубелые массы, развращенные материалистическим направлением века, легко поддадутся воздействию какого-либо искусства, да это и не важно... Надо стараться, чтобы подрастающее поколение не чуждалось искусства, а потому следует культивировать искусство в душе ребенка. Когда же народ очистится влиянием культуры, к нему не пристанут никакие разрушающие идеи темных своекорыстных сил. Действительно, отрешенность народа от истинного искусства ведет к закреплению его в темных рамках пошлой, будничной жизни, и только плоды высших достижений в состоянии возвысить народ над уровнем абсолютного невежества, вывести его на свет и научить сознанию человеческой обязанности, пробуждая в душе его чистые, нравственные инстинкты.

Сделать человека человеком – вот всепоглощающая цель искусства»⁴.

Читая эти строки, приходится только удивляться духовной и нравственной зрелости молодого автора, которому тогда был лишь 21 год. В то время в нем формировался, а затем и вырос Учитель с большой буквы, заслугой которого являлось то, что он никогда себя таким Учителем не считал, но всегда исправно исполнял свой учительский долг, которым был одарен и обязан. Он считал, что истинное искусство всегда нравственно. Он процитировал в «Академии поэзии» слова еще одного Учителя – Льва Толстого, который писал: «Просвещение, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будет просвещением, а будет всегда только затемнением и развращением»⁵.

Среди всех видов искусства он считал поэзию и музыку вечными и «не разрушаемыми

волнами времени»⁶. Поэзия, писал он, «есть постигнутая истина»⁷. Но эта истина облечена в тайну образов, которая проявляется в свой срок. Предчувствие истины всегда жило в поэте, так же как и предвидение будущего. В своем проекте он рассуждал о космическом сознании как высшей форме сознания, до сих пор присущей лишь немногим жителям Земли, среди которых преобладали поэты, такие как Данте, Бэкон, Уитмен, Карпентер, Теннисон и ряд других. Это высшее сознание, или космическое чувство, он был уверен в этом, охватит «всех своим интуитивным откровением о Вечности и Бессмертии, создав новую, более совершенную фазу в истории эволюционирующей психической жизни»⁸.

Идея космического сознания как высшей его формы прозвучала в этой ранней работе Чижевского, но, к сожалению, не была замечена ни миром науки, ни миром искусства и только сейчас, в XXI веке, робко пробивает себе путь. Осмысление Чижевским космического сознания есть важнейший вклад в формирование космического мышления. Вместе с тем введение в теорию познания интуитивного откровения, сложившегося в духовном пространстве человеческой культуры, было смелым и необходимым шагом в процессе создания новой системы космического мышления. «...Истинное поэтическое произведение, – отмечал он, – вырванное из глубины духа, может стать таким откровением, какое не достигнет строго размышляющая философия или наука. Между тем надо знать, что задача поэзии вполне аналогична задачам науки – свести разнообразные явления действительности к возможно меньшему числу обобщений»⁹. И еще: «...подобно тому, как наука стремится подчинить себе различные физические явления, а метафизика свое внимание сосредоточивает на том, что лежит выше обычных земных интересов, на вопросах о сущности мира, о предназначении человека, так и поэтическое искусство на высших ступенях своего развития подходит к глубочайшим проблемам бытия»¹⁰. Мысль о том, что поэзия как область искусства есть один из важнейших способов духовного познания, ни в чем не уступающий науке, пронизывает всю концепцию «Академии поэзии».

Культурный проект Чижевского не ограничивается лишь теоретическими рассуждениями. Он обладал удивительной способностью соединять теорию с практикой в любом виде своей деятельности. Что же касается «Академии поэзии», то он разработал всю концепцию ее деятельности, начиная от учебных программ, предметов, которые там будут преподаваться, и заканчивая тем, какие должны быть у Академии здания, аудитории и окружающее пространство.

Александр Чижевский – студент. 1916

² Чижевский А.Л. Академия поэзии. Проект // Чижевский А.Л. Поэзия. С. 330.

³ Там же. С. 317.

⁴ Там же. С. 321–322.

⁵ Там же. С. 322.

⁶ Чижевский А.Л. Академия поэзии. Проект. С. 325.

⁷ Там же. С. 327.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 328.

¹⁰ Там же. С. 329.

Что-то в этом проекте напоминало древнюю афинскую академию философов, но было и много нового, что отвечало современным условиям, новому космическому мышлению. В отличие от Афинской академии, где были избранные, в определенной мере изолированные от внешнего мира, «Академия поэзии» должна была стать широкой культурной организацией и направлять свои творческие усилия на подлинное просвещение народа и на укрепление культурных устоев в разоренной мировой войной и революцией стране. К сожалению, по ряду причин, хорошо всем известных, проект не был воплощен в жизнь. Но актуальность мыслей Чижевского с годами становилась все более очевидной и особенно возросла в наше время, когда подлинная культура катастрофически теряет свое предназначение.

Его стихотворения были прозрачно-хрустальны, наполнены глубиной сверкающей мысли, и в каждом из них отражалось познание окружающего мира, тесно связанное с ритмом утонченной внутренней жизни.

*Поэзия есть чудо, раскрытое богами:
То разума сиянье, то чувства утонченье,
О, смертный, наслаждайся – прильни плотней устами
К насыщенному кубку: в нем – скорби утоленье.*

*И мир перед тобою в тот миг преобразится:
Незримое – увидишь, неверное – исчезнет,
И нового познания светило загорится
Во мраке первозданном – твоей душевной бездне¹¹.*

И еще:

*Вчера был первый веешний день,
Весь позлащенный чистым светом,
И сине-розовая тень
Играла в воздухе прогремом.
Играла в воздухе прогремом.
Вокруг немолчный голос пел –
То пело небо голубое,
И мир раскрылся, просветлел
В своем преображенном строе.
Когда же сумерки пришли
И в синеве простерлись дали,
А звезды над лицом Земли,
Как бы ожив, затрепетали, –
Я в утомленном забытии
Предался ясному покою,
И поспешили низойти
Ко мне видения толпою¹².*

К этим двум стихотворениям хочется добавить еще одно, замечательное по глубине присутствующей в нем мысли. Оно называется «Подсолнечник».

*Лик Солнца у тебя, подсолнечник простой:
Посередине диск, вокруг – протуберанцы.
Так видятся они во времена затмений,*

¹¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 306.

¹² Там же. С. 105.

*Когда Луна собой загородит светило
И в грозном небе вдруг зажжется излученье.
Цветок-подсолнечник и Солнце – вот сравненье!*

*Но ближе всмотримся в престранную игру:
Не только внешнее нас удивляет сходство,
А то, что каждый день, с восхода до заката,
Подсолнечник следит за братом в небесах!
Весьма настойчиво, внимательно, упрямо,
Направив на лучи свою головку прямо,*

*Два братца кровные в сиянье золотом,
И оба каждый миг брат брата зорко видят,
Брат перед братом как с докладом предстают –
На небе – Солнца диск, а на земле – подсолнух!
Что значит это вдохновенное сближенье:
Сочувствие иль тайное отображенье?*

*Растолковать все это можно просто так:
Не вызреть семечкам подсолнуха за лето,
Стой неподвижно он, как блин, на огороде.
Природой сотворен он, как гелиостат,
Что движет зеркало за диском Солнца вечно,
Пружиной пуцанный, стальной и долговечной.*

*Но сердцу хочется совсем не то!
Так и поэзия в пустой войне с наукой,
По сути же у них – единый корень;
Обязаны служить единому – познанию,
Познание же, друзья, вмещает все в себя:
Материю и Дух в извечной их борьбе¹³.*

Во всех трех стихотворениях утверждается, что поэзия есть способ познания, а не просто рифмованная мысль. Мысль, присутствующая в ней, есть мысль высокого измерения, возникшая из таинственных глубин Космоса. Поэзия, как кристалл, сверкает цветовым разнообразием своих граней. Если, в силу наших субъективных особенностей, мы увидим лишь одну грань, то наше понимание будет прямолинейным или плоским. Если нам удастся «поворачивать» этот кристалл и увидеть все его грани, то восприятие наше будет совсем другим. Мы получим возможность проникнуть в глубинную суть мыслей и поэтических образов, содержащихся в том или ином стихотворении. Эта особенность присуща Чижевскому-поэту. «Поэзии, – писал он, – похищающей божественные тайны сияющего Солнца, лучи которого пронзают телесную оболочку и озаряют глубины запредельных океанов бытия, принадлежит величайшая будущность в освобожденной ею общемировой духовной жизни»¹⁴.

Поэзия Чижевского философична и космична. Она, вне всякого сомнения, постигает то, что не было еще затронуто наукой. Ибо поэзия в своем смелом полете озарений и откровений обгоняет науку. Поэзия стоит много ближе к космическому мышлению, она обладает творческим синтезом, который дает возможность представить мысль или образ в обобщенном, завершенном виде.

¹³ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 189–190.

¹⁴ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы // Духовное созерцание. 1997. № 3–4. С. 164.

Проблемы иных миров, которые существовали в духовном поле познания человечества, теперь открывались в стихах ученого. Они возникали из его снов и видений, связанных с инобытием, углубляя образное и духовное познание этого пространства.

*Закон и хаос, тьма и свет,
Начала, центра, грани нет.
Реальный мир в мгновенном сне,
Явь – тени, тени лишь одне¹⁵.*

В стихотворении «Сны» он пишет:

*Из глубины идут звучанья,
Из глубины и тишины,
И возникают созерцанья,
И сны бегут как явь, – но сны!*

*Непостижимый нам дотолем
Метафизический полет
Уносит к небывалой воле
И звездным вихрем обдает.*

*И мы влетаем в постиженья
И в нестерпимо яркий свет.
О, нет тому осуществленья,
Чего на самом деле нет!¹⁶*

Что такое сон, Чижевский дает понять в стихотворении «Безмолвие»:

*Безмолвно все: и небо, и земля,
Безлюдна отдалений вереница,
В спокойствии, не плача, не моля,
Спит человек, и гад, и лес, и птица.*

*И в этот мир всеобщей тишины,
Преодолев запретные пороги,
Врываются тревожащие сны,
Слетают прорицающие боги.*

*Но тихо все, и нем наш разговор...
Часы бегут законно за часами,
А с высоты следит бездонный взор
Холодными и жесткими лучами¹⁷.*

И еще одно стихотворение о сне:

*На небесах давно багряный блеск потух.
В пифийские пути направился мой дух,
В томительную даль, за ловлею видений,
Прозрений призрачных и вещей вдохновений.*

*Чем беспредельней ночь – тем беспокойней я,
Ни тьмы не превозмочь, ни скрыться от нея.
Уж ловит жадный мозг причудливые лики,
Взрываются во мгле и копошатся блики
И, небеса подняв, к созвездиям стремят,
А я мечусь меж них, волнением объят,
Их поведение прилежно изучаю
И знаю многое, а думал, что не знаю¹⁸.*

В этих стихотворениях о снах мы находим для себя немало открытий, которые имеют важное значение для изучения таинственных глубин Мироздания, звучащих в самом человеке словами и образами видений. Из всего прочитанного, где описывается восприятие поэтом сна, мы можем понять, что сон есть отражение реального мира, существующего где-то в иных измерениях. Этот реальный мир в отличие от нашего может быть назван миром иным, а может быть, и Высшим, возникшим в результате преобразования, трансформации материи. Сон есть дверь в этот иной мир, которая, если можно так сказать, открывается, когда человек находится в особом ночном состоянии. Там, в этом таинственном мире или мирах, существует источник знаний, к которому можно прикоснуться. «И знаю многое, а думал, что не знаю». Или: «И мы влетаем в постиженья и в нестерпимо яркий свет». И еще: «Реальный мир в мгновенном сне». И вместе с этим: «И сны бегут как явь, – но сны!» Чижевский обращал внимание на пророческий характер сна, куда «слетают прорицающие боги». Ему, поэту и ученому, удалось в коротких стихотворениях показать еще не изученный феномен познания через искусство, и в частности через поэзию. Его стихи в этом отношении идут в одном русле со стихами таких крупнейших поэтов-философов Серебряного века, как Ф.И. Тютчев, В.С. Соловьев, А.А. Блок. В своей поэзии Чижевский через личный опыт познания в духовном пространстве провел мысль о двойственности человека, связанного с Космосом и одновременно с Землею, служащего мостом между одним и другим. Эту двойственность он остро ощущал на себе и хорошо понимал, что, если ее не осознать, будет трудно принять особенности космического мышления. Его поэзия, ее образы и мысли помогали понять такие особенности. «Условимся, – писал он, – под плодами истинного поэтического творчества понимать такое поэтическое произведение, которое “расширяет” наше познание мира, явлений, вещей, событий; приводит в движение нашу мысль и тем самым заставляет мыслить и имеет само по себе, независимо от влияния на нас, философскую, этическую и эстетическую ценность»¹⁹. Это были не только слова. Его стихи были именно такими. Написанные ученым и подлинным поэтом, они, несомненно, представляют не только эстетическую, но и научную ценность. Космическая тема, в конкретном выражении, в той или иной степени пронизывает поэзию Чижевского. В этой теме чаще всего его привлекало Солнце, ритмами деятельности которого он занимался в русле экспериментальной науки.

*Великолепное, державное Светило,
Я познаю в тебе собрата-близнеца,
Чьей огненной груди нет смертного конца,
Что в бесконечности, что будет и что было.*

*В несчетной тьме времен ты стройно восходило
С чертами строгими родимого лица,
И скорбного меня, земного пришлеца,
Объяла радостная, творческая сила.
В живом, где грузный пласт космической руды,
Из черной древности звучишь победно ты,*

¹⁵ Чижевский А.Л. Стихи. М.: Современник, 1987. С. 35.

¹⁶ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 190.

¹⁷ Там же. С. 227–228.

¹⁸ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 64.

¹⁹ Цит. по: Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. М.: Наука, 2004. С. 232.

*Испепеляя цепь неверных наших хроник, –
И я воскрес – пою. О, в этой вязкой мгле,
Под взглядом вечности ликуй, солнцепоклонник,
Припав к отвергнутой Праматери-Земле²⁰.*

Удивительное явление – поэзия! В своем узком литературном пространстве она разворачивает мысли высокого измерения, в которые входит и весь Космос, и его творящее явление, такое как Солнце, чье живительное излучение поддерживает жизнь планеты и всего того, что находится на ее поверхности. Такой сложнейший процесс выражен буквально в нескольких строчках, простых – и в то же время невероятно глубоких:

*В несчетной тьме времен ты стройно восходило
С чертами строгими родимого лица,
И скорбного меня, земного пришлеца,
Объяла радостная, творческая сила.*

Чем выше измерение пространственной мысли, тем глубже она, тем меньше литературного пространства она требует. Она уходит в такую глубину, где высокая степень измерения не имеет предела ни в своей многослойной образности, ни в своей познавательной насыщенности. И всю эту космическую сложность, а иногда и ее духовную наполненность можно выразить простыми словами. И чем проще и точнее эти слова, тем выше измерение самой мысли. Подлинная поэзия работает в более высоком измерении, чем эмпирическая наука. У Чижевского есть удивительное стихотворение, посвященное циклу умирания Вселенной в пространстве Великого космического ритма. Оно называется «Наступление мифологической ночи»:

*Лишь только знак подаст Юпитер,
Как будет тьма и тишина
В пространствах неба необъятных
Немедленно учреждена.*

*Так, Солнце, – жгучий повелитель
Золотолитых наших дней,
Удержит звонкоогнеогных
И пронизающих коней.*

*И пригвоздит морские бури
Трезубцем к лону вод Нептун:
Утихнет мировое море,
Погаснут плески звезд и лун.*

*Все остановится в природе:
Прервется трав и листьев речь,
И ветер сложит свои крылья,
И реки перестанут течь²¹.*

Всплеск познавательной силы этого стихотворения, действующей не только на интеллект читателя, но и на его чувства, нельзя ни с чем сравнить. Два стихотворения Чижевского – «Галилей» и «Гиппократу» – можно считать программными в пространстве его космических идей и находений.

²⁰ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 210.

²¹ Там же. С. 123.

*И вновь и вновь взойли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.*

*И вал морской вскипел от колебаний,
И норд сверкал, и двигались смерчи,
И родились на ниве состязаний
Фанатики, герои, палачи.*

*И жизни лик подернулся гримасой:
Метался компас – буйствовал народ,
А над Землей и над людскою массой
Свершило Солнце свой законный ход.*

*О, ты, узревший солнечные пятна
С великолепной дерзостью своей –
Не ведал ты, как будут мне понятны
И близки твои скорби, Галилей!²²*

И второе стихотворение:

*Ночные небеса в сиянье тайном звезд
Роднят меня с тобой сквозь бег тысячелетий.
Все те же они, как встарь. И те же миллиарды верст
Разъединяют нас. А мы – земные дети –
Глядим в ночной простор с поднятой головой,
Хотим в сиянии звезд постичь законы мира,
Соединив в одно их с жизнью роковой
И тросы протянув от нас до Альтаира.
Я, как и ты, смотря на лучезарный хор,
Стараюсь пристально проникнуть в сочетанья
Живой мозаики, хочу понять узор
Явлений жизненных и звездного сиянья.
Для нас с тобою мир – родное существо,
Столь близкое душе, столь родственно-простое,
Что наблюдать за ним – для мысли торжество,
Что радостно будить молчанье вековое
В туманностях, во мглах, во глубине земной
И в излучениях – солярном или звездном,
Вскрывать покрытые глухою пеленой
Перед невеждами – космические бездны.
Для нас едино – всё: и в малом и большом.
Кровь общая течет по жилам всей вселенной.
Ты подошел ко мне, и мыслим мы вдвоем,
Вне всех времен земных, в отраде вдохновенной
И вне пространств земных. Бежит под нами мгла,
Стихии движутся в работе повсеместной,
Бьет хаос в берег наш; приветлива, светла,*

²² Чижевский А.Л. Поэзия. С. 214.

Глядится жизнь сама из глубины небесной.
 И явственно сквозь бег измышленных времен
 И многомерные, крылатые пространства
 Пронизывает мир незыблемый закон –
 Стихий изменчивых под маской постоянства,
 И вот редееет мгла. Из хаоса стремят
 Формотворящие строительные токи,
 Иные времена иным мирам дарят
 И утверждают их движения на сроки.
 И в созиданиях мы чувствуем полней
 Взаимодействие стихий между собою –
 И сопряженное влияние теней,
 Отброшенных на нас вселенскою борьбою.
 Мы – дети Космоса. И наш родимый дом
 Так спаян общностью и неразрывно прочен,
 Что чувствуем себя мы слитыми в одном,
 Что в каждой точке мир – весь мир сосредоточен...
 И жизнь – повсюду жизнь в материи самой,
 В глубинах вещества – от края и до края
 Торжественно течет в борьбе с великой тьмой,
 Страдает и горит, нигде не умолкая²³.

Проблемой влияния солнечных пятен и солнечного ритма на жизнь людей Чижевский занимался не только как поэт, но и как ученый. Стихотворение, обращенное к Гиппократу, повествует об одухотворенном Космосе, с которым у человека существует крепкое и неразрывное единство. «Мы – дети Космоса» – научное и художественное кредо Чижевского. То, что написано в этом стихотворении, впоследствии было изложено научным языком в ряде его работ. Но одно другому не мешало, поэтический язык был сильнее формул и описаний экспериментов. Читая это стихотворение, ощущаешь как бы личную причастность автора ко всему, что происходит в Космосе. Идея одухотворенности Космоса в поэзии Чижевского представлена вдохновенными словами: «И жизнь – повсюду жизнь в материи самой, в глубинах вещества – от края и до края...» В данном случае познание Космоса через поэзию происходит эффективней, чем через науку. Поэтому Чижевский не зря для просвещения народа предлагал именно «Академию поэзии». Он верил в то, что когда-нибудь различные способы познания синтезируются в одну систему, возможно не похожую на те части, которые войдут в нее как составляющие. Философские его идеи шли вместе с мыслями о Космосе, и Космос был всегда их фоном:

Неведомо, и нам ответа нет.
 И только в смутном отдалении
 Сквозь пустоту томится бег планет,
 Живущих день, блистающих мгновение.

Но где б ни вышла ты из темноты
 Великолепными колоссами, –
 Ты к нам летишь и нас тревожишь ты
 От века не решенными вопросами.

Один вопрос в устах или вне уст:
 Тоска по тьме исчезновения, –

²³ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 207–208.

И все горит, страдая, древний куст
 От первых до последних дней творения.

Так! От себя нам некуда уйти,
 Как нам не скрыться от страдания.
 О, Мать-Материя, – трудны пути
 На высоту Мирознания²⁴.

Слово «Мирознание» у Чижевского означает целый сложный процесс расширения сознания человека до уровня космического. Без такого процесса нельзя достигнуть космического мышления, невозможно разработать методологию новой системы познания. В его стихах нередко одним или двумя словами обозначаются сложнейшие явления. Вот короткое стихотворение в две строфы «О времени и пространстве»:

Обманы мира нам необходимы:
 Мы в них черпаем тайны мирозданья,
 Но эти тайны здесь необоримы,
 Имея относительность сознанья.

Так, забывая жизни скоротечность,
 Постигнем мы, что Время есть Движенье,
 И, покидая цепкую Конечность, –
 Что бесконечность есть Круговращенье!²⁵

В стихотворении заключены две важнейшие философские мысли, тесно связанные друг с другом своей причастностью к Космической эволюции. «Относительность сознанья» определяет мысль, которую Чижевский не устал повторять: от уровня сознания зависит наше восприятие окружающего мира. Высокое сознание, не говоря уже о космическом, выходящем за пределы Земли, ощущает и воспринимает мир совсем не так, как низкое. Относительность сознания – это особенность нашей психологии, которую надо учитывать при формировании новой системы познания. Также необходимо учитывать, что «Время есть Движенье», а «бесконечность есть Круговращенье» – мысль Чижевского, подтверждающая спиралевидность развития Космической эволюции, каждый виток которой есть более высокая ступень по сравнению с предыдущей.

Будучи в конечном счете земным человеком, Чижевский писал прекрасные стихи о собственных переживаниях. Особенно ему удавались стихи о природе и Родине.

Поет под дугой колокольчик,
 Поет он о доле людской,
 Поет – и за сердце хватает
 Осеннюю терпкой тоской.

На небе все тучи да тучи,
 В безлюдье бурют поля,
 Покорно и молча уснула
 Усталая мать-земля,

И пыль – только пыль вековая
 Подолгу висит над глухой,

²⁴ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 221–222.

²⁵ Там же. С. 229.

*Исхоженной, древней дорогой
Своей пеленою седой.*

*Холодные синие дали,
Унылая голь деревень,
И плачет, и плачет, и плачет
Озябший сентябрьский день.*

*Близка мне твоя обреченность,
И сладок мне горький твой хлеб...
О, Русь, мы разделим по-братски
Пребратности темных судеб²⁶.*

Как поэт, обладающий пророческим даром, он предвидел «темные судьбы», которые позже не в стихах, а в реальности разделил с Россией. Зима производила на него совсем иное воздействие.

*Гремит, звенит на солнце день.
Слепят восторженные взоры
Розовощекие просторы,
Голубо пламенная тень.*

*Сквозь остроколки воздух видно:
В лесу, как в храме огневом,
Деревья блещут искровидно
Литым, чистейшим серебром.*

*И солнце ядрами дробится,
И, преломлясь о зеркала,
В зеленом сумраке угла
Взлетают радужные птицы²⁷.*

И несмотря на то, что эти стихи написаны о земной природе, космическое мироощущение сверкает между строк.

В стихотворении «Вечернее небо» мы читаем:

*В часы, когда Солнце вечернее – Атум –
Варит себе пищу в кипящих котлах
И пламенно-медные стрелы заката
Летят и сверкают в пылающих мглах, –*

*Драконы, чудовища, птицы и змеи,
Залитые кровью, стремятся в котлы,
И реют, и тают, огнем пламеня,
Среди огнедышащей розовой мглы;*

*И только коснутся к краям раскаленным,
Сольются в один ослепительный дым*

²⁶ Чижевский А.А. Поэзия. С. 79.

²⁷ Там же. С. 142.

А.А. Чижевский. 1960-е гг.

*И гибнут в порыве своем исступленном,
Венчая светило венцом золотым.*

*А сверху, над грозным пожаром захода,
Сквозь пурпурный хаос врываются к нам
Прозрачно-зеленые бездны, как воды,
Текущие вдаль по иным небесам.*

*И в бледно-зеленой бездонной пустыне,
Где как бы начало Вселенной иной,
Являются чуждые нам, как святыни,
Холодные звезды Вселенной ночной²⁸.*

В нем жило удивительно тонкое ощущение красоты земной природы и ее космичности, не прямолинейной, а как бы выступающей из флера земной атмосферы и творящей те образы, мгновенность которых он схватывал своим гибким словом. Он был незаурядным поэтом, и его поэтическое творчество уникально даже на богатом культурном фоне Серебряного века России.

И конечно, Александр Леонидович Чижевский показал удивительный пример синтеза науки, искусства, философии и отличный результат такого синтеза.

²⁸ Чижевский А.А. Поэзия. С. 119–120.